
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена Оленич
(г. Тула)

ТУЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ: ОТ ЗДАНИЯ К ЗДАНИЮ. ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ К 100-летию Художественно-исторического музея в Туле

Оленич Елена Ивановна, родилась в 1963 году в Воронеже. В 1984 году закончила Тульское областное музыкальное училище им. А. С. Даргомыжского по специальности «Теория и история музыки». Работает в ТОХМ с 1988 года. В 1992 году закончила Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, искусствовед. Заведующая отделом западноевропейского и русского искусства.

В столетней истории музея есть периоды, о которых мало что известно. И чем дальше мы уходим по дороге жизни, тем меньше свидетелей давних событий остается. Но, к счастью, сохранились документы, которые помогают восстановить отдельные страницы музейной истории и отдать дань памяти старшим поколениям сотрудников, а новым — дать знания об их славных делах.

В Государственном архиве Тульской области мы обнаружили ряд документов, проливающих свет на ранее не известную страницу в судьбе музея, а именно на историю поиска подходящего здания, который бы стал домом для его коллекций, сотрудников и зрителей. Это довольно долгий период времени — 1939—1964 годы. Но, прежде чем об этом рассказать, вспомним общеизвестные факты.

В мае 1919 года в Доме Карла Маркса, рядом в Одоевской башней Тульского кремля, открылся Тульский художественно-исторический музей. С 1924 года он располагался в Доме офицеров (Коммунаров (ныне проспект Ленина), 50). В 1927 году произошло преобразование учреждения в краеведческий музей с художественным отделом. А в 1932 году

краеведческий музей переехал в особняк XVIII века на улице Советской, 68 и с тех пор располагается в этом здании. Художественный же отдел музея так и остался в Доме офицеров.

Событие, открывшее новую страницу в истории музея, произошло 14 июня 1939 года, когда Оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Тульской области на своем заседании постановил «Обязать Тульское Областное Управление по делам

искусств создать из художественных отделов в Туле и Калуге самостоятельные художественные музеи (в Туле — Областной художественный музей, в Калуге — городской художественный музей)»¹. С 1937 года до лета 1944 года Калуга являлась районным центром Тульской области. Исторический документ был обнаружен в Государственном архиве ТО в ходе исследовательской работы.

6 октября 1939 года состоялось открытие Тульского областного художественного музея, занявшего только четыре верхних зала в левом крыле здания Дома офицеров. Музейное собрание тогда составляло чуть более 2200 единиц хранения и разумеется планировалось его увеличение в будущем.

В пятом пункте указанного документа значится: «В связи с планом закупок художественных произведений и дальнейшим расширением художественных музеев обязать тульский и калужский городские советы совместно с Тул. Обл. Управлением по делам искусств разработать вопрос о предоставлении лучшего и большего помещения для художественных музеев в 1940 году».

Как видим, в 1940 году органам исполнительной власти предписывалось предоставить тульскому художественному музею другое помещение, а может быть и целое здание, подходящее для нужд музейной деятельности — создания экспозиции, хранения коллекций, проведения выставок и осуществления просветительской деятельности. Имеющихся у музея площадей для всего этого было явно недостаточно. И работа по поиску здания проводилась, но сколь она была затяжной и многотрудной дают представление архивные материалы, впервые пролившие свет на жизнь музея в период с 1941 по 1953 годы.

В ГАТО хранится Справка, к сожалению, не датированная, но сведения, содержащиеся в ней, позволяют отнести документ к началу 1952 года. Там читаем, что «в начале 1941 года решением Тульских городских организаций художественному музею было передано здание бывшего костела на углу ул. Л. Толстого и ул. Коммунаров»². Речь идет о католическом храме Святых апостолов Петра и Павла, находившемся поблизости от Коммунаров, 50. Далее мы узнаем, что здание предполагалось реконструировать, для чего был составлен проект, по которому следовало сделать «пристройку длиной 8 метров по ширине существующего здания и надстройку в высоту 3 метров по существующему карнизу, а также устройство водяного отопления и устройство освещения зала второго этажа верхним светом». Этот проект не осуществился по причине начавшейся Великой Отечественной войны в июне 1941 года.

Музейные фонды на время войны подверглись консервации и эвакуации. В альбомах, посвященных Тульскому областному художественному музею, изданных в разные годы, во вступительных статьях сообщается, что «в дни Великой Отечественной войны, когда враг был у окраин города, наиболее ценные экспонаты были вывезены в Сибирь»³.

Уточнить место эвакуации музейных фондов помогли другие документы из областного архива. Так, в письме от 1.08.1947 года, направленном «в ОБКОМ ВКП (б), Представителю ЦК ВКП (б) тов. Киселеву» директором и хранителем Тульского Об-

ластного художественного музея Н. М. Барвинским, содержится информация о том, что «в связи с войной в 1941 г. экспонаты были перенесены и законсервированы в подвальном помещении Дома Офицеров, занимающем 218 кв.м. Частично экспонаты, особенно ценные, в частности, живопись, были эвакуированы в гор. Уральск, совместно с ценностями Калужского и Поленовского музеев...»⁴. В другом документе от 16.01.1953 года Н. М. Барвинский пишет: «Во время Великой Отечественной войны коллекции музея были эвакуированы в г. Уральск и в 1944 г. возвращены в Тулу...»⁵.

Итак, документы дают нам сведения о точном месте эвакуации музейных ценностей — это Уральск, крупнейший город Западного Казахстана, расположенный на реке Урал. Основанный еще в 17 веке Яицкий городок был центром восстания под предводительством Емельяна Пугачева, а после его подавления Екатерина Великая повелела переименовать город в Уральск. С городом связаны имена А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого, русских императоров и многих других известных людей русской истории и культуры.

О том, с чем пришлось столкнуться художественному музею после войны, дает представление еще один документ, в котором говорится: «После окончания Великой Отечественной войны руководство Дома Офицеров, не считаясь с тем, что огромные государственные ценности, имеющие большое воспитательное значение, будут недоступны для обозрения трудящихся, не возвратило прежнее помещение с большим светом, необходимой для экспозиции высотой и устроила в нем сперва буфет, а впоследствии гардероб, лишив музей возможности продолжать работу в нормальных условиях»⁶.

Следует, однако, вернуться к документу 1947 года, составленному Николаем Михайловичем Барвинским, возглавившим музей в послевоенный период и остававшимся его руководителем до октября 1957 года. В этом развернутом документе содержится большое количество интереснейших сведений о жизни музея в сложное послевоенное время и о том, какие усилия прилагались коллективом и руководством музея для возобновления его работы в те годы. В частности, говорится, что «ни консервация, ни эвакуация не повлияли на количественный состав ценностей, а наоборот экспонатов увеличилось за счет собирательской деятельности музея на 85 экспонатов»⁷, и на 1.07.1947 года коллекция насчитывала 2300 единиц хранения. Вместе с тем сообщалось, что показывать коллекцию зрителям не представлялось возможным из-за отсутствия помещения. Коллектив музея вынужден был ограничить работу наблюдением за сохранностью ценностей, делая для этого все возможное в имевшихся тяжелых условиях непригодного хранения. Важнейшей была планомерная работа над реставрацией картин. «По плану на период 1946—1950 гг. должно было быть отреставрировано 113 полотен. К 1/VII-47 г. реставрировано 75 % пятилетнего плана, причем практика доставки картин в Москву (Государственные Художественные Реставрационные Мастерские при Комитете СССР, Ордынка 34) частично изменена путем приглашения реставраторов в музей...»⁸. Именно в музее были отреставрированы картины цикла «Двенадцать месяцев» итальянской школы живописи. В этот же период был передан на реставрацию и плафон В. А. Серова «Феб Лучезарный».

Открытие музея после войны затягивалось. Между тем общественность города «с тревогой и сердечностью ждала момента разрешения вопроса об открытии музея». И Барвинский Н. М. пишет: «...как бы не разрешился вопрос с открытием Художественного Музея в смысле срока, ныне занимаемое помещение необходимо признать хорошим по пригодности для этих целей и (оно) не должно быть возвращено Дому Офицеров по крайней мере до того времени, пока не будет городом построено здание, без которого наличие ценностей в настоящее время и расширение музея в дальнейшем, при будущем росте г. Тулы невозможно»⁹.

Исходя из документа, возможно предположить, что в начале 1947 года было принято «Решение Бюро Обкома ВКП (б) о подготовке Облисполкомом помещения под музей, ныне занимаемое книгохранилищем...». Здание книгохранилища областной библиотеки располагалось в Шурдуковском переулке, дом 4. Сам переулок пересекал квартал от Детского универмага на улице Советской до площади Челюскинцев, и находились там большей частью складские помещения. Весь этот старый квартал с рядом интересных построек был полностью снесен в начале 1980-х годов при строительстве здания областной администрации.

Барвинский пишет, что под художественный музей отводились два зала книгохранилища размером около 320 кв. м и что, по его мнению, обеспечивало цели экспозиции только на 25—30 %, при этом не предоставляя никаких перспектив к росту музея в последующее время. А перспективы, какими их описывал Николай Михайлович, обещали быть впечатляющими. Так «к предполагаемому рождению Тульского Художественного Музея подготовлен целый ряд подарков со стороны музеев Ленинграда, Москвы, Госфондов и даже частных лиц, что должно увеличить нынешние запасы минимум на 50 %, существует намерение о превращении Тульского Художественного Музея в один из филиалов Третьяковской галереи»¹⁰. Вместе с тем «настоящие условия, в которых находится музей, лишают его возможности не только стать доступным для познания ценнейших образцов прошлой культуры, но и лишают возможности настоящее пополнение музея Советским изобразительным искусством, так как широчайшие возможности, открытые в настоящее время нашей Партией и Правительством для пополнения музея работами наших современников не осуществимы в условиях консервации. — «Открывайте музей, и мы дадим Вам пополнение самыми лучшими образцами Советского изо-искусства. Ни средств, ни экспонатов из запасных фондов Государства не будет выдано до момента открытия»¹¹. Вот так — строго и однозначно.

Сам Барвинский прекрасно понимал всю сложность ситуации и то, что «через 2
216

месяца тяжесть положения еще усугубится, так как Государственные Реставрационные мастерские закончат к 30-летию Великой Октябрьской Революции реставрацию 7-ми больших полотен (2,5×2), которые после реставрации будут уже на подрамниках и их некуда будет внести, они не поместятся в хранилище, оставлять же их готовыми в реставрации, значит лишиться навсегда, так как сейчас искусствоведы и весь художественный актив Москвы и Ленинграда следят за процессом реставрации и поговаривают о замене их другими, что совершенно недопустимо»¹².

Николай Михайлович, осознавая, что «по-видимому, г. Тула в настоящее время не может сделать больше того, что есть, то есть выделить здание книгохранилища», изложил по пунктам план необходимых действий, из которых становится очевидным насколько неподходящим для музея являлось это помещение. Помимо выселения частных жильцов и вывода Райвоенкомата предлагалось, «имея в виду непригодность нового помещения музея в смысле отопления, просить Облисполком о выделении им через Тульский Вентиляторный завод 4-х переносных печей, с целью регулировать температуру и сэкономить тепло до 50 %». Далее — «запросить не позднее лета 1948 г. асфальтирование Шурдукова переулка, в этом же году осветить его 4-мя большими фонарями». И, наконец, «поставить вопрос перед МВД об установлении дневного и ночного милиционных постов»¹³.

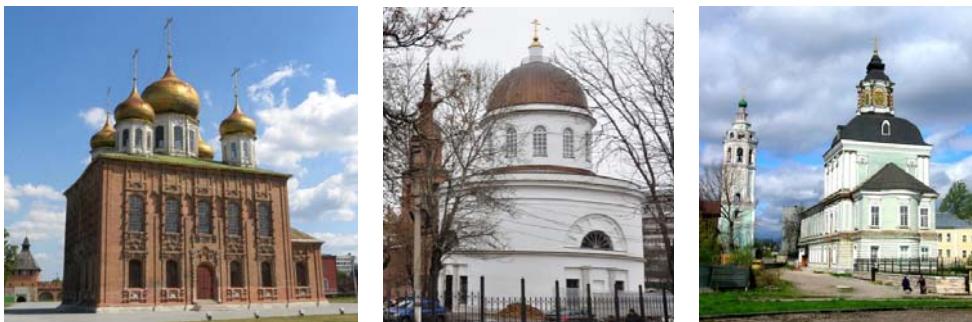
Судя по всему, работы в Шурдуковском переулке так и не были доведены до конца, так как в документе начала 1952 года, содержатся следующие сведения: «В Туле имеется Художественный музей с постоянной экспозицией большой ценности, но он в течение 11 лет находится на консервации. Музею при отсутствии постоянного здания с большим трудом удается проводить выставки, пользуясь залами Дома Офицеров, Дома Народного творчества, Драмтеатра на правах аренды, совершенно не приспособленных для означенной цели...». И далее: «Хранилище в Доме Офицеров заполнено до последних пределов. Отодвигающийся срок открытия музея создаст угрозу передачи ценностей в один из городов СССР»¹⁴.

Из письма на имя Председателя областного совета депутатов трудящихся тов. Барчукова И. М. 1953 года, в котором Н. М. Барвинский предпринимает очередную попытку «достучаться» до власти, становится известно еще об одном здании, предлагавшемся художественному музею. «В 1948 г. после обследования вопроса о музее комиссией ЦК партии, решением Облисполкома было передано здание по ул. Пирогова, № 20, освоенное

в течение 2-х лет капитальным ремонтом (из которых 10 месяцев ушли на выселение учреждений Гор. Прокуратуры Центрального р-на, Горводстроя, Общежития изолятора МВД для беспризорных и др.) По освобождении 2 и 3 этажей в здании был начат капитальный ремонт, были установлены 2 новых котла для отопления, произведена перепланировка, покрыта крыша новым железом, полы заменены паркетом, изготовлены новые двери, на что израсходовано 287 т.р...»¹⁵. Это здание вполне могло оказаться тем домом, в котором музею жилось бы хорошо. К тому же возможно было продумывать развитие музея в этом старом квартале в центре города. Но история с этим зданием закончилась драматически, так как «дом № 20 по ул. Пирогова 20-го августа 1950 г. Художественный музей был вынужден передать ГОРОНО под 15-ю женскую среднюю школу»¹⁶. В настоящее время в здании располагается 2 учебный корпус Педагогического колледжа № 1.

Среди предлагаемых Художественному музею в 1950—51 годах зданий были и церкви, находящиеся под охраной как памятники архитектуры: Успенский собор в Кремле, ротонда Петра и Павла по ул. Ленина и храм Николы Зарецкого. К счастью, специальная комиссия из авторитетных лиц, назначенная Тульским областным отделом по делам искусств, пришла к выводу, что все эти объекты не могут быть использованы из-за большой затраты средств, и невозможности расширения их в будущем. Поиски дома для музея продолжались.

В завершении вышеуказанного письма за подписями начальника Тульского областного отдела по делам искусств А. Филимонова и директора музея излагается просьба: «Учитывая, что решение вопроса о помещении для музея не может в дальнейшем оставаться не разрешенным... вынести решение о выделении следующих объектов для устройства в них постоянной экспозиции и устройства периодических выставок — бывшего общежития парткурсов (уг. Ул. Коммунаров и Колхозной ул.) и для устройства выставок — церковь Никиты, ныне находящуюся в аренде Механического института»¹⁷.

В начале 1953 года коллекция музея все еще оставалась законсервированной в полуподвальном помещении Дома офицеров. Работы по проектированию и строительству для тульского областного художественного музея специального здания начались в 1954 году. Автором проекта стал тульский архитектор Павел Михайлович Зайцев (1927—2005). Процесс этот длился еще целое десятилетие, и только в начале ноября 1964 года состоялось открытие музея теперь уже в своем доме — в новом здании на площади Искусств, рядом с Центральным парком.

Примечания:

Материал был представлен на научных конференциях «Тула ушедшего века» (Тула, 08-09.12.2016) и «Научно-исследовательская работа в ИКХМ» (Тула, 30.01.2018).

¹ ГУ ГАТО. Ф. Р-3024. Оп. 1. Д.158. ЛЛ. 22-23.

² ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп. 1. Д.150. Л.10.

³ Тульский областной художественный музей. Л., 1983. С. 6; Тульский областной художественный музей. М., 1991. С. 6; Тульский музей изобразительных искусств. Тула, 1998. С. 6.

⁴ ГУ ГАТО. Ф. 2700. Оп. 1. Д.124. ЛЛ. 227-235.

⁵ ГУ ГАТО. Ф. 2700. Оп. 1. Д.163. Л.2 об.

⁶ ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп.1. Д.163. ЛЛ. 9-10.

⁷⁻¹³ ГУ ГАТО. Ф. 2700. Оп. 1. Д.124. ЛЛ. 227-235.

¹⁴ ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп. 1. Д.150. ЛЛ.10.

¹⁵⁻¹⁷ ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп. 1. Д. 163. ЛЛ. 9-10.

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

МЫ ВЕРИМ ТВЕРДО...

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Продолжаем знакомить российского читателя с Кувейтом.

...если не в наличие в настоящее время героев кувейтского спорта, то, по крайней мере, в то, что они вполне могут вскоре появиться.

Какие виды спорта развиваются в Кувейте? Прежде всего, те, которые мы, русские, скорее всего, назвали бы прикладными. Здесь много дорогих спортивных автомобилей, мотоциклов, и ночами улицы столицы эмирата оглашаются ревом моторов участников несанкционированных «покатушек».

Под стук того же мотора либо под парусом любят кувейтцы выходить в море. Радуют себя морскими прогулками, рыбной ловлей, а молодежь отчаянно гоняет на гидроциклах.

Юноши (а теперь все чаще и девушки), которые не признают традиционного арабского одевания и рискуют выходить в свет в модненьких легкомысленных нарядах, выставляют напоказ накаченные мышцы в соблазнительных для противоположного пола местах — следовательно, частенько посещают тренажерные залы.

Относить ли все это к спорту? Пусть судят читатели. По поводу конного спорта сомнений, разумеется, никаких. Но для арабов, издавна известных лошадиников, и это больше, чем просто спорт. Широко развит на Аравийском полуострове, если позволительно по аналогии со спортом конным построить неологизм, *верблюженный спорт*. В этом отношении тоже ясность абсолютная.

Но вот с недавних пор стали культивировать на берегах Персидского залива экзотические для местных жителей зимние виды спорта. После прошедших у нас на Сахалине соревнований «Дети Азии-2019» об этом факте заговорили во всем мире.

Завершившиеся Первые зимние международные спортивные игры «Дети Азии» показали, что интерес к соревнованиям велик. В самый восточный российский регион прибыли делегации из множества азиатских стран, в том числе и из Кувейта, который справедливо считается одним из самых жарких регионов планеты. Казалось бы, какие уж кувейтцам зимние игры! И тем не менее...

Дело в том, что, например, каток-то в столичном Эль-Кувейте есть. С искусственным льдом, разумеется. Введен в эксплуатацию достаточно давно, сразу после войны с Ираком. И воспринимался он, скорее, как аттракцион, чем как полноценное спортивное сооружение. Взяв напрокат коньки, на ледовую арену выкатывались, прежде всего, гости из-за рубежа, те, кто с детства приучен расекать сталью перешедшую в твердое агрегатное состояние воду. А местные жители с удовольствием наблюдали за катанием из уютных кафе, расположившихся за толстыми стеклянными перегородками, где было тепло, светло. И мухи не кусают, как говорится.

Ныне же арабская молодежь все увереннее выходит на ледовые площадки по всему миру. Для нас звучит странновато: дети раскаленных песчаных пустынь «коньками звучно режут лед». Но факт остается фактом. Например, Дубай уже давно предлагает отдыхающим не только пляжи и шопинг, но и горные лыжи. В одном из крупнейших торговых комплексов этого города развлечений, этакое арабское, я бы сказал, «халяльного» Лас-Вегаса, можно поиграть в снежки, съехать по склону на лыжах, потешить себя тюбингом.

У подножия известного дубайского небоскреба «Бурдж-Халифа» (граждане АОЭ с уверенностью заявляют — самого высокого в мире) среди множества роскошных «брендовых» магазинов вдруг натыкаешься на каток. Арабы в традиционных одеждах и многочисленные туристы со всего света в интернациональных шортиках-маечках и резиновых тапочках на босу ногу с любопытством спешат к хоккейной коробке: чего? чего там? А там... Нет-нет, не пустует лед! Много на нем тинейждеров — ярких, спортивных, дерзких. Каких только «финтов» не покажут зевакам явно красующиеся молодые люди! «Дорожки» шагов, прыжки, акробатические трюки... И благодарные зрители часами не отходят как от бортика в вестибюле торгового центра, так и от стеклянных ограждений на верхних этажах, поскольку смотровые площадки обустроены галереями на высоте нескольких десятников метров. А арабчата часами (деньги и на аренду льда, и на фирменную экипировку есть!) оттачивают мастерство — любо-дорого смотреть. Не удивлюсь, если вскоре акробатика на коньках станет олимпийским видом спорта, а выражение «арабское золото» в добавок к музыкальной получит еще и спортивную семантику.

И вот теперь, как и в предыдущих своих заметках о странах Персидского залива, приглашу читателя за неприязательной вроде бы бытовой зарисовкой увидеть тенденцию, разглядеть каркасные дуги динамичного современного мира. Ведь арабские конькобежцы только на первый взгляд окажутся экзотикой на уровне шаржа, таким импрессионным оксюмороном. А если рассудить здраво, то поймешь, что видишь перед собой первые ростки будущего.

В XIX веке прогрессисты базаровского типа гордо заявили: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». XX век удивил (и не всех приятно) примерами творчества означенного работника. Засучив рукава, он принялся ремесленничать в своей мастерской. На пустом месте за считанные годы возникали новые города, от центра до окраины спроектированные человеком. Прежде поселения веками «прорастали» из почвы народной жизни и чрезвычайно медленно нагуливали плоть окраин, потихонечку клубились в окружающее пространство годовыми кольцами своих крепостных стен, рвов, валов.

А в прошлом столетии человек понял, что не может ждать милостей от матушки-природы, а то загнется с голоду. Понял и перевел экономику на фабричные рельсы. Нужен нам налаженный процесс общественного питания — пожалуйста: произведенное на фабриках-хлевах, фабриках-курятниках и фабриках-огородах продовольствие аппетитно поглощалось на фабриках-кухнях. Нужен нам город со столичными, финансовыми, промышленными функциями — строим город.

«Венец творения» с размахом хозяйничал на своей планете: учился управлять климатом, поворачивать стоки великих рек... Но мастерская есть мастерская! В мастерской всегда душно и копотно. Обязательно под ногами у вас окажутся опилки, по углам валяются забракованные изделия, чернеют лужи пролитого машинного масла... Деятели культуры пытались предостеречь: «Не царь природы человек — сыночек он ее младшенький». Не слушал чумазый работник в потном энтузиазме своего труда деятелей культуры, а все творил и творил вторую природу.

Сегодня, в XXI веке, человечество (по большому счету, уже все) живет в ней — во второй природе, а не на лоне того дикого естества, где селилось изначально. По-

тому климат для нас не имеет решающего значения. И вот зимние олимпиады проводят в субтропиках, а в песчаной пустыне Аравийского полуострова тренируются конькобежцы...

После эпохи форсированной работы над второй природой мы вступили в эпоху создания «третьей природы», замахнувшись уже на самую сущность человека, вживляя в его организм электронные чипы и биопротезы. Тут не спор природы с культурой, тут не вопросы евгеники — тут уже пахнет гомункулом. Точнее — смердит, как в лаборатории средневекового алхимика. Или, может быть, напротив, — благоухает, словно в эдемских садах Демиурга?..

Впрочем, пора подвести черту под примерным конспектом размышлений русского литератора, наблюдающего за пируэтными спортсменами на льду катка в крупнейшем торговом центре города Дубая. Кто его поймет, русского литератора: что такое ему пришло в голову... Похоже, вокруг, в разноязыкой празднично разряженной толпе покупателей, увлеченно обходящих бутики, никого не волнуют его размышления.

А может быть, и напрасно он переживает, с тревогой вглядываясь во все резче проступающие очертания всемирного человекини? Здесь, в столице мирового общества потребления, где изобилие и роскошь сделаны обязательным фоном бытия, так хочется поверить в малодушную сказочку под названием «Бабло победит зло»! Ведь в здравом размышлении приходишь к выводу: такие города, как Дубай, создаются с целью двойной: не только дать оборот колоссальным денежным средствам, но и убедить как можно большее количество землян в неизбежности и единственности избранного глобалистами пути к красивой витрине планетарного супермаркета. И вообще — куда его, русского литератора, качнуло: от зимних видов спорта к светлому/мрачному (нужное подчеркнуть) будущему. Любовался бы себе фигуристами да попивал колу из картонного стаканчика!

А полюбоваться есть чем! Не только в своих странах арабские спортсмены все смелее заявляют о себе. Вот на XXIX Всемирную зимнюю универсиаду к нам в Сибирь, в Красноярск, приехала фигуристка из ОАЭ Захра Лари. Ее называют «принцессой льда в хиджабе». Это первая гражданка Абу-Даби, завоевавшая право выступать на международных соревнованиях. Благодаря Захре ОАЭ оказались первой ближневосточной страной, ставшей постоянным членом Международного союза конькобежцев.

Мало того: в Объединенных Арабских Эмиратах уже всерьез говорят о создании хоккейной команды, способной показывать результаты на мировом уровне. Вообще говоря, Хоккейная лига ОАЭ была основана еще десять лет назад. Первая игра эмиратских хоккеистов состоялась 7 октября 2009 года между командами Dubai Mighty Camels и Abu Dhabi Scorpions на ледовой арене Абу-Даби, расположенной в спортивном комплексе Зайед Спорт Сити.

А сегодня речь уже идет о том, чтобы к 2020 году хоккейный клуб из Эмиратов начал выступления в Континентальной хоккейной лиге. По крайней мере, об этом заявляет российский бизнесмен Владимир Бурдун, который недавно возглавил хоккейную лигу ОАЭ.

Г-н Бурдун всерьез мечтает о развитии хоккея на Ближнем Востоке и в Средней Азии, о том, что на международной арене в будущем активно проявят себя команды из Узбекистана, Туркменистана, Грузии, о том, что эмиратский клуб окажется магнитом для молодых амбициозных игроков из России и других европейских стран.

Что ж, сегодня такое не кажется бредом перегревшегося на солнце пустыни метателя. «Третья природа» легко придает черты реальности самым причудливым миражам.

Однако для начала арабским хоккеистам (нет, увольте, но звучит это пока еще комично!) необходимо проделать большую работу. И не только спортивную. Надо

привлечь опытных тренеров, набрать достаточное количество приличных игроков, возможно, заманить звезд мирового хоккея (хотя бы и клонящихся к закату).

Повторюсь: в XXI веке это вполне реально. Деньги на развитие спорта (как и на многие другие социальные проекты) правительствами стран Персидского залива выделяются весьма щедро. Молодые хоккеисты, оказавшись в ОАЭ, ни в чем не будут чувствовать себя ущемленными: тренируйся, побеждай в турнирах, получай премиальные, отдыхай и развлекайся по своему усмотрению (сегодня эмираты Дубай и Абу-Даби — вполне космополитичные государства, в которых местный колорит выглядит не более чем соусом к так хорошо нам всем знакомому глобалистскому блюду).

И многие европейские спортсмены поддерживают идею создания арабского клуба. Иные готовы играть в нем, а другие, не собираясь менять форму привычных цветов, с удовольствием предвкушают, как в разгар зимы полетят на матч в солнечную страну, омываемую теплым морем, знаменитую своими шикарными отелями и пляжами.

Но кроме классных игроков, создаваемой арабской хоккейной команде, которая претендовала бы на конкурентоспособность в мировом масштабе, потребуется, конечно, и достойная площадка. Пока стадиона премиум-класса нет, но об этом думают, помнят, предпринимают практические шаги для исправления ситуации. В текущем году ожидается открытие соответствующей всем требованиям КХЛ, ВХЛ и МХЛ ледовой арены в Абу-Даби.

А в следующем году, скорее всего, начнутся переговоры об участии команды из ОАЭ в играх КХЛ. В Абу-Даби уверены, что их ледовая дружина достойно сразится с лучшими европейскими и азиатскими клубами за Кубок Гагарина. И в таком случае произойдет настоящий прорыв. Это выведет хоккей в Эмиратах на международный уровень. Так что можем начинать заранее готовить себя к тому, что в скором будущем любимые нашим народом ледовые арены украсятся не только привычными флагами России, Белоруссии, Казахстана, Китая, Латвии, Словакии и Финляндии, но и стягом ОАЭ. Будем готовиться, чтобы не испытать культурный шок.

А вот теперь время вернуться к тому, с чего начали. К хоккеистам из Государства Кувейт и зимним состязаниям «Дети Азии». На них произошло нечто невероятное. Первым матчем для юных кувейтян стала встреча с русскими сверстниками из Дальневосточного федерального округа. Результат матча, мягко говоря, удивил: 60:0 в пользу спортсменов ДФО. Болельщики и спортивная общественность недоумевали. В чем дело? Не удалось арабским атлетам настроиться на игру? Продолжается период акклиматизации?

На следующей игре против команды Сибирского федерального округа юношеская сборная из Кувейта потерпела поражение со счетом 0:77. Еще одна встреча (с сахалинской сборной) окончилась с результатом 0:28. Может быть, по каким-то загадочным причинам кувейтские хоккеисты не могут играть именно против русских?

Но вот идет матч со сборной Японии. Спортсмены из Страны восходящего солнца забрасывают в ворота арабской ледовой дружины 54 безответные шайбы...

На турнире «Дети Азии» кувейтская юношеская сборная по хоккею установила своеобразный антирекорд — в ее воротах за 4 игры побывало 219 шайб, самим же им ни разу не удалось поразить ворота противника.

Но против всех ожиданий игроки сборной Кувейта по хоккею стали любимцами сахалинской публики. На каждой их игре присутствовали преданные болельщики с ободряющими плакатами, не смолкали поддерживающие «кричалки». В социальных сетях фанаты запустили масштабный хэштег #gokuwait со словами поддержки.

На официальном сайте Первых зимних международных спортивных игр размещен такой текст: «Если через год или два спросить, чем вам запомнились первые зимние «Дети Азии», думаю, любой ответит: «Игра хоккейной сборной Кувейта».

Довольно странное заявление. Но его причина очень проста. Именно ледовая дружина из этой жаркой страны покорила сердца фанатов».

После завершения последнего матча кувейтских хоккеистов игроки сахалинской команды по бэнди подарили арабским сверстникам свою амуницию, чтобы на берегах Персидского залива развивался не только классический хоккей, но и разновидность этой игры с мячом. Несмотря на скромные результаты в турнирной таблице в финале игр «Дети Азии» организаторы соревнований сочли возможным наградить сборную Кувейта медалями. И сделано это было под бурные аплодисменты зрителей.

Да и кто посмеет бросить камень в кувейтян? Известно, что подготовка к турниру началась для них всего за месяц до выезда на игры. А снег и лед в натуре (в первой нашей любимой природе) они увидели, только прилетев на Сахалин. А вот для развития хоккея в своей стране они сделали многое. По крайней мере, среди юных хоккеистов своего региона они теперь самые опытные.

Никто не откажет юным арабским хоккеистам в уважении, поскольку они проявили качества настоящих атлетов: великую преданность своему виду спорта, неуклонное стремление к победе, умение учиться у более сильных соперников. И, разумеется, кувейтцы лишней раз подтвердили неофициальную олимпийскую заповедь — главное не победа, а участие. Поэтому, я уверен, несли флаг своей маленькой страны с гордостью: и на церемонии открытия зимних игр, и на церемонии их завершения.

В этом залог будущих побед. Ведь, если оглянуться назад, может припомниться пьедестал почета, который на соревнованиях различного уровня заслуженно занимали кувейтские команды.

Было, было такое, хотя это и прошлое дело, да и заслуга в этом не столько местных спортсменов, сколько приглашенных тренеров. Выдающихся тренеров. Советского еще производства. Так, в начале девяностых в Кувейт прилетел на работу В.В. Лобановский. Не буду перечислять многочисленные регалии выдающегося деятеля спорта — одного его громкого имени для футбольных болельщиков из СССР достаточно.

Да, карьера Валерия Васильевича в кувейтский период его биографии катилась к завершению, да, сборная, которую он принял, не шла ни в какое сравнение с командами звезд советского футбола. Но ведь трудился Лобановский. Честно и напряженно трудился, как учили. И вывел-таки в 1994 году сборную эмирата на бронзу в Азиатских играх. Я помню тот день. Кувейт тогда взорвался радостными криками, гудками автомобилей. Украшенные национальными флагами машины парализовали движение на широких автомагистралях. Всенародный праздник. Спонтанное и искренне ликование. Наверняка, воспоминания о той охватившей всю страну радости во многом движут современными кувейтскими атлетами и их наставниками, стремящимися повторить, а может быть, и превзойти успех предшественников.

Другое достижение кувейтской сборной в мировом спорте тоже связано с работой во второй половине девяностых годов в этом нефтедобывающем эмирате советского тренера — А. Н. Евтушенко. Возможно, его имя для поклонников ручного мяча не менее звучно, чем для футбольных фанатов имя В. В. Лобановского. Да и для кувейтян его заслуги не менее значимы: именно он привел команду страны по гандболу к победе на чемпионате Азии, открыв тем самым своим подопечным дорогу на Олимпиаду 1996 года. Успех заметный, бесспорный для страны с населением, насчитывавшим в ту пору немногим более 1,6 млн. чел. и не имевшей еще опыта выступлений на соревнованиях подобного уровня.

В Государстве Кувейт и в настоящее время трудится немало тренеров из республик бывшего Советского Союза: России, Белоруссии, Узбекистана... Правда, запрос со стороны кувейтского общества на спортивные достижения, как представляется, существенно изменился по сравнению с началом девяностых годов прошлого века.

Если тогда здесь явно прослеживалось стремление высокими спортивными достижениями привлечь на себя внимание мировой общественности, то ныне упор сделан на развитие массового спорта, скорее, даже физкультуры.

Это настоятельное требование времени для страны, в которой год от года растет процент граждан с избыточным весом (и проблема эта существенно «молодеет», воспроизводя все новые и новые поколения малоподвижных кувейтян), в которой с тревогой регистрируют рост больных с таким грозным диагнозом, как сахарный диабет. Безусловно, в данной ситуации актуальнее приобщать к спорту широкие массы, а не гнаться за медалями высокой пробы в международных соревнованиях. Правительство Кувейта это понимает, и движется в нужном направлении. В Эль-Кувейте большое количество современных благоустроенных стадионов, в скверах и парках можно увидеть тренажеры, беговые и велосипедные дорожки. Регулярно проходят марафонские забеги и велопробеги для всех желающих (кстати сказать, с весьма солидным призовым фондом). Да и широкое привлечение в страну упомянутых тренеров по плаванию, фехтованию, единоборствам — тоже мера, регулируемая государством.

Кстати сказать, с упомянутой выше Захрой Лари, гражданкой ОАЭ, занимается российская фигуристка Александра Ивлева, перешедшая на тренерскую работу. И вот что интересно: в ту пору, когда Александра еще выступала на международных соревнованиях, маленькая Зархра была одной из ее верных болельщиц. Ну а в настоящее время «принцессу льда в хиджабе» мотивирует на новые достижения пример наших выдающихся фигуристок Евгении Медведевой и Алины Загитовой. Их драматичное противостояние, за которым с интересом следят в мире, арабская спортсменка комментирует так: «Здоровая конкуренция всегда идет только на пользу, даже если за пределами катка эти люди кажутся хорошими друзьями. Иначе у тебя просто не будет стимула выкладываться на полную. Поэтому я считаю, что они подталкивают друг друга вперед».

Впрочем, болельщикам прекрасно известно, на чьей стороне предпочтения самой Захры. Евгению Медведеву она давно и откровенно называет одним из своих кумиров. Вот и сейчас г-жа Лари говорит: «Я симпатизирую обеим, но стиль Евгении мне ближе. Мне кажется, в ее выступлениях, в ее хореографии чувствуется большая страсть». И кто знает, может быть уже недалек тот день, когда осуществится давняя мечта арабской принцессы льда, и она выступит вместе с Медведевой на крупном международном турнире.

Итак, от увлечения, от мечты путь спортсмена лежит к самому высокому пьедесталу почета. По-другому в спорте не бывает! Но ведь за последние годы сложилась такая ситуация, когда одному спортсмену (или команде, даже сборной) к пьедесталу и близко подойти не дадут. В современном большом спорте не обойтись без мощного юридического и организационного сопровождения. Не знаю, пришло ли осознание данного факта к нашим отечественным чиновникам, ответственным за развитие физкультуры и спорта, но в Кувейте сложившееся положение вещей четко понимают.

И не только понимают, но и делают все, чтобы их маленькая страна активно участвовала в финансировании крупных международных спортивных мероприятий, а представители Кувейта (который, при всем уважении, великой спортивной державой не назовешь) весомо, значимо и на постоянной основе присутствовали в органах управления мировым спортом.

Пример? Пожалуйста. Совсем недавно, 5 марта текущего года, в столице Таиланда Бангкоке прошла 38-я Генеральная Ассамблея Олимпийского Совета Азии (ОСА). Единогласным решением членами Олимпийского совета Азии Президентом ОСА на 4-летний срок вновь избран кувейтский шейх Ахмад Аль-Фахад Аль-Сабах. Напомню, что род Сабахов — правящая династия в Кувейте, бессменные руководи-

тели этой страны. Только эта семья выдвигает претендентов на посты эмира и наследного принца своего государства. Думается, других комментариев к тому, как кувейтцы относятся к вопросам поддержки спорта, не потребуется.

А вот фигура шейха Ахмада примечательна. На ней стоит остановиться подробнее. Выпускник Кувейтского университета (факультет политических наук) и Национальной военной академии, майор, бизнесмен. Увлекался стрельбой, футболом, гандболом. Основатель Федерации парусного и гребного спорта Кувейта. Президент национальных федераций гандбола, футбола, стрельбы, академической гребли. Президент Национального олимпийского комитета Кувейта, глава Олимпийского совета Азии, член Исполкома и президент Ассоциации национальных олимпийских комитетов, президент Панарабской федерации парусного спорта, вице-президент Арабской спортивной конфедерации, вице-президент союзов арабских стран по гребле и футболу, член МОК, член комиссии «Спорт для всех», комиссии по олимпийскому образованию, член комитета «МОК-2000», член комиссии Олимпийской солидарности. Не правда ли, трудно представить себе что-либо красноречивее, чем одно только бесстрастное перечисление всех этих титулов? Поэтому вновь скажу: более комментировать нечего.

Если только добавить еще один штрих к портрету шейха, подчеркивающий его связь с нашей страной. 23 августа 2015 шейх Ахмад Аль-Фахад Аль-Сабах за значительный вклад в развитие детско-юношеского спорта, за личное влияние на установление политики мира и сотрудничества между странами и регионами получил звание Почетного профессора Северо-Восточного федерального университета. На церемонии вручения мантии Почетного профессора на расширенном заседании Ученого совета СВФУ г-н Аль-Сабах сказал: «Для меня большая честь получить почетный титул одного из десяти федеральных университетов России. Я получал множество разных титулов, занимал официальные посты, но самой близкой сферой для меня остается спорт».

А значит (см. начало этой статьи), мы верим твердо...

Кувейтский шейх Ахмад Аль-Фахад Аль-Сабах вновь возглавил Олимпийский Совет Азии

Хоккейная лига Объединенных Арабских Эмиратов: «Уж лучше вы к нам...»

Вратарю хоккейной сборной Кувейта на международных играх «Дети Азии» пришлось, пожалуй, труднее всех...

Кувейтские хоккеисты в России нашли не только болельщиков, но и друзей

Захра Лари из Абу-Даби — «Принцесса льда в хиджабе»

Райнгольд Шульц
(г. Гисен, Германия)

Райнгольд Шульц (псевдоним: папа Шульц) родился 1 ноября 1949 года в Сыктывкаре — столице Коми АССР, в семье высланных житомирских немцев-колонистов. Служил в ВВС. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. Работал в аэрофлоте — Коми управление гражданской авиации. В 1991 г. с семьей переехал в ФРГ. Член литературного общества писателей «Немцы из России». Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, публицистику и сказки. Автор более 20 книг, более 1300 публикаций, не считая Интернета. Лауреат многих литературных конкурсов, в том числе многократно международного конкурса «Золотое перо Руси»

(Мнение редакции не во всем совпадает с утверждениями автора)

ОБРАЗЦОВО ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ

Посмотрев документальный фильм «Поселок на костях», в который раз хочу здесь повториться и довести до каждого суровую правду прошлого и тех мест, куда сослали моих родителей, где я родился и жил, где лежат в земле мои молодые родственники. Царство им всем небесное и земля пусть им будет пухом! В почетном карауле стоят над ними немые, преданные, плакучие березки!

С 1932 по 1956 год население Коми АССР неестественно увеличилось в 5 раз. Движение, как правило, было в основном в одну сторону, на Север! Назад вырвались немногие.

Сюда ссылали русских, украинцев, немцев, поляков, эстонцев, латышей, литовцев, афганцев, иранцев, корейцев, китайцев. Всех этих людей, с поражением в правах, без права переписки, называли врагами народа, а точнее было бы назвать, врагами антинародного государства.

Они в неволе, в неведении, как рабы трудились под землей в заполярной Воркуте, в лесах Печоры и Инты, в Ухте, в Усть-Вымьлаге, и других местах Гулаговской России.

Под каждой шпалой железной дороги Котлас — Воркута лежат два замученных человека. Многим знаком суровый Коми край. Там же, в тайге, ишачили трудовармейцы, отторгнутые властью российские немцы-великомученики.

Спецлагерь НКВД ЛокчимЛаг должен был быть образцово-показательный объектом и расположился в глухом лесу вдоль таежной речки Аджерон.

С 1938 по 1948 год в лагере содержалось 26 000 человек. Только в лагерном управлении было полторы тысячи управленцев.

В дремучем лесу стояли низкие деревянные бараки, в бараках по бокам были двухэтажные деревянные нары. Посередине стояли сделанные из 200-литровых железных бочек — печки буржуйки, названные так за прожорливость. Они не держали тепла и их надо было топить беспрестанно и круглосуточно.

Заключенные в основном трудились для лесной промышленности. У самого Полярного круга в приказном порядке их также заставляли выращивать перец, огурцы, арбузы. За каждым посаженным арбузом был назначен ответственный заключенный с соответствующими выводами. Некоторые там работали даже в кандалах.

В лагере была своя тюрьма, в тюрьме — камеры, карцер и даже расстрельная камера. Был там и свой «Кремль», так назывался дом-лагерного начальника. У обреченных людей не было ничего личного, они не принадлежали сами себе. Все во имя светлой цели!

Работающему человеку давали ненатуральный хлеб с примесью картошки и жмыха — 600 г в сутки и две кружки теплой воды.

Заключенных мучили охрана, голод, холод, болезни, унижение, неведение, комары, клопы, вошки, мошки, мыши, крысы, тараканы и непосильный каторжный труд на лесоповалах.

Известен случай, когда в наказание за невыполненную норму выработки, после окончания рабочего дня, тридцать заключенных в сильный мороз заставили стоять на льду, в том числе и женщин. Потом в лазарете им всем без исключения ампутировали ноги. После этого все они поумирали в неволе.

Особенно тяжело там было женщинам, на которых лагерное начальство смотрело как на товар и разменную монету. Стукачество было обычным делом. Даже у стен были уши! Руководство знало все!

В лучшем случае провинившихся начальник лагеря запрягал в телегу и доходяги катали его по лагерю.

Даже бывшие военнопленные не могли вспомнить таких издевательств у своих врагов, а тут свои... В тюрьме тяжело первые десять лет, потом привыкаешь — была такая лагерная поговорка.

Случались в неволе и отчаянные мятежи. Бунтовали урки, политические, малолетки, верующие, национальные группы.

У погибшего от озверевших бунтовщиков участкового милиционера в желудке нашли его партбилет, который перед смертью заставили его съесть его бывшие подопечные. Были случаи, когда провинившихся заключенных в лесу ставили на муравейник или живьем сжигали на кострах.

ГУЛАГ — это террористическое государство в государстве. Во время большого террора никто не вел подсчет умерших, их просто увозили в лес и заполняли заранее подготовленную яму, потом закапывали и начинали заполнять новую яму. Так были созданы бескрайние братские могилы. Над безымянными могилами нет братских крестов, и вдовы на них не рыдают. Нет там и каких либо записей. Нет человека, нет проблем! Не будет о нем памяти.

Но грибники в лесу, вместо грибов, до сих пор находят там всплывшие из-под земли белые человеческие кости.

В конце сроков, в тех местах появлялись уже расконвоированные и вольнопоселенцы, которым нельзя было возвращаться домой, в семью, на большую землю.

Потомки бывших невольников и потомки их охранников постепенно составили основное население тех таежных спецпоселков, в том числе и поселка Аджером, столицы образцового ЛокчимЛага.

Уже в 60 годы, после полета Гагарина к звездам, на земле, по субботам, в клубе, там пропагандировалась передовая советская культура, проводились лекции, выступала художественная самодеятельность, показывали кино, бывали танцы, а после танцев всегда были массовые драки.

Когда в воскресенье любопытные приходили туда посмотреть, то на 100 метров вокруг клуба все выглядело как на поле битвы жестокой, внутринародной, гражданской войны. Весь снег был вытопан и все в крови. Нередки были огнестрельные убийства и поножовщина. Ссылные «власовцы» и другие в отместку за свою поломанную судьбу жгли бараки.

Фронтовики тоже собирались вместе, чтобы отвести свою больную душу, и всех посторонних, особенно детей, выгоняли из помещения.

Они разливали водку по полному граненому стакану, по-гусарски, стоя, как профессиональные фарисеи, поднимали тост: За Сталина, За Родину, За тех, кого нет с нами! Потом повторяли по второму и третьему кругу: За Сталина, За Родину, За тех, кто не дожил! Они повторяли это, как мантру, пока не напивались.

Потом, кто мог, уходил домой, кто не мог, оставался, падал лицом в тарелку, сильно и зло стучал кулаком по столу и отчаянно ругался невероятным матом. Потом, озираясь по сторонам, тихо, сквозь зубы, чтобы никто не слышал, изрыгал сплошные, страшные проклятия, которое всегда заканчивалось одним ненавистным словом: Йоська!!!

Такова была политика государства и отношение к ней советских людей. Только что, стоя, они образцово-показательно прославляли вождя, а потом от искреннего сердца, искалеченная судьбой душа отчаянно его проклинала.

Сейчас новое поколение не знает правды, наивно верит в патриотические сказки.

А государство свой секрет не выдает, все архивы закрыты, засекречены и говорят, вся документация скоропостижно ликвидируется.

Но прошлое, как заноза, торчит в памяти стариков и не дает очевидцам спокойно спать.

По ночам правда горькими слезами вытекает из их мученических глаз наружу, и это говорит о многом.

Эти слезы надо видеть, понимать, знать их причину, помнить обо всех, кому оборвали жизнь.

В жизни бывают минуты, когда в глазах нет больше слез, а в сердце их целое море.

Попробуйте ощутить в себе чувства этих людей....

Всегда помните об этом!

ОБЪЕДИНЕНИЕ

*«Der Ossi ist schlau und stellt sich dumm,
beim Wessi ist es andersrum»*

«Пролетарии всех стран — соединяйтесь!» И объединились две страны в одно государство. Германия стала единой, и я снова устроился на работу. Западная фирма купила восточную. Ушлый шеф, чтобы меньше платить, закрепил меня за экс ГДРэровской фирмой, и пришлось мне ездить под Хемниц, в Ольбернау, на границу Чехии, за 420 км в один конец. В воскресенье вечером выезжал, в пятницу после работы спешил домой. Одну ночь дома и опять в дорогу. Жил там экономно, почти всухомятку, на 20 ДМ в неделю. Жил в маленькой служебной комнатке, где, кроме

кровати, был только стул и мои книги. На обед успевал в Чехию съездить и съесть тарелку отличного горячего супа за 1 ДМ. Терпел, лишь бы дома детям и жене хватало, чтоб не знали нужды ни в чем, о себе не думал, я не в счет. Два года туда-сюда маячил, как маятник. Всякое было. В ГДР люди попроще, свои какие-то, товарищи. С Ноберттом Хлостой мы сошлись с ходу. Он был начитанный, интересный собеседник и охотно наполнял мой информационный вакуум о новой жизни.

«Ну! доволен ты этой, новой жизнью? Западная марка теперь лежит в твоём кармане. Пробила таки она Берлинскую стену?» — спрашивал его я. «Да, знаешь, не все так вышло, как мечтали и обещали или как в газетах пишут. Знали б мы, как это вышло, в 3 раза выше бы ту стену построили. Красиво для глаз, спору нет, но в душе грабеж произошел, пусто там стало. Исчезла стабильность, уверенность, взаимопомощь, бескорыстие, дружба, чувство товарищества. В одну ночь все господами стали, а товарищей больше ни у кого нет! Работал я раньше механиком в нашем городке, в дорожно-строительном участке. Строили и ремонтировали местные дороги. Летом делали насыпи, клали асфальт, зимой обеспечивали безопасность движения. Но вдруг пришла приватизация и в наши ворота. Кругом реформы, в стране — оптимизм. Собрал нас бывший шеф и спросил: «Что делать будем? Есть два варианта. Первый всем войти в долю, влезть в долги, взять кредит в банке и в складчину выкупить предприятие, став акционерами. Затем самим искать заказчиков и обрабатывать долги. Есть второй вариант. В городской мэрии объявился богатый дядя с Запада, который хочет купить нас вместе с фирмой. Обещает обеспечить передовой западной техникой и технологией, научить работать эффективно, по-новому. И будем мы в красивых комбинезонах зарабатывать бешеные деньги, проводить отпуска на Гавайях и Малерке. Границы исчезли, свобода кругом для тех, у кого деньги есть. Наши мужики решили, чем в долги влезать, лучше у дяди работать, и проголосовали единогласно за второй вариант. Городское начальство собрало собрание, и представили западного немца — фирмача и богатого дядю. Посмотреть на него, послушать его планы и узнать о своем будущем пришли все и даже с семьями. Дядя говорил красиво. Он сказал, что наша дорожная техника ему не нужна и продаст он ее нам же по дешевке. Всех рабочих на полгода отпускает в отпуска. Арбайтсамт оплатит безработных. Его же люди выбросят старые станки и оборудование на шрот, затем привезут и смонтируют новейшую технику и тогда — милости просим всех обратно. Мы же, не получавшие свои отпуска несколько лет, были рады такому предложению: полгода отпуск и даже оплачиваемый. Дорожную технику раскупили на другой день: Автогрейдер — 100 ДМ, бульдозер — 150 ДМ, я тоже мультикару купил за 80 ДМ. Прапорщиков русских налетело, все легковушки раскупили и домой своим ходом покатали. Цены то смешные, «Волга» — 300 ДМ, «Трабант» — 50 и т.д. В конце недели во всех дворах не развернуться было, асфальтоукладчики и те скупили, впервые цены по карману стали. Радовались, что господами стали. В течение полгода изредка захаживали на работу, чтобы подивиться новой технике, но там все оборудование сорвали с фундаментов, разворотили и бросили. Никто не появлялся, все травой заросло. От своей купленной, никому теперь не нужной техники, не знаем, как избавиться, только место занимает. Нахватали, не подумав. По истечении обещанного срока все стали беспокоиться бездействием, волноваться, теребить нашу мэрию. Наконец объявили о новом собрании. Приехал с Запада наш «богатый дядя» и заявил, что его специалисты просчитали и решили, что нерентабельно восстанавливать дорожный участок. Чтобы выполнить этот объем работ, приедет с Запада передвижная механизированная колонна на две недели и выполнит всю работу. Так что, извините! И остались мы все никому не нужные, без работы и дальше, спать уже не могли. Ловко же этот «дядя», надежда наша, убрал конкуренцию с дороги. И не поймешь, то

ли продуманный обман, то ли новые условия, диктуемые жизнью. К началу сезона приехали в наш городок западные дорожники и стали класть у наших домов асфальт. Мы все высыпали на улицу посмотреть, как нашу работу по-новому другие делают. Много нас, безработных, там собралось, но мы чуда не увидели, почти также все, как и мы делали. А западные решили выразить нам свое превосходство и презрение к нам. Стали подковыривать; что стоите руки в брюки? Работать не умеете? Все до ручки довели, страну развалили и теперь к ним присосались?! А они, бедные, побросали дома, свои семьи и теплые дома, вынуждены теперь за тридевять земель класть нам асфальт под нашими окнами, чтоб мы в грязи не погрязли и еще платить нам налог солидарности из своей зарплаты. От такой наглости наши нервы не вытерпели:

— Мы вас сюда не звали, сами всю жизнь все делали, и работали не хуже вас, а по вашей милости стоим на обочине, потому что вы нас обманули, наш хлеб и нашу работу отобрали и еще попрекаете! И пошли в ход кулаки с обеих сторон. До крови бились, пока полиция не растаскала всех по разным углам. До сих пор в ту сторону дуемся. Много таких историй случилось, могу рассказать. Так было. И сейчас еще бывает, если придет к нам в бюро западный немец с каким-то предложениями, то ему сразу на дверь указывают, чтобы с той стороны закрыл. И такую школу прошли. Человек никто, все решают деньги. Сейчас этот процесс еще дальше пошел. Капитал течет за границу. Там рабочая сила совсем дешевая, хотя работы полно. И трудятся люди за гроши, чтоб содержать все увеличивающую армию немецких безработных. Перекос такой может опрокинуть экономику, как корабль в море. Пора бы задуматься кое-кому над этим и начать решать проблемы.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ТРИУМФ ИЛИ КОЛЛАПС?

Состояние современной русской словесности литераторами и читателями оценивается сегодня прямо противоположно. Дмитрий Бак считает, что «нынешняя русская литература — разные жанры по-разному — переживает период расцвета».

Владимир Бондаренко тоже не теряет оптимизма. В своих выступлениях он называет десятка два имен из числа «новых реалистов» и утверждает, что именно они в самом ближайшем будущем составят гордость русской литературы. Он пишет: «...писатели с молодой энергией ухватили настроения, царящие в самом обществе... у них есть величие замысла, есть длинная идея...». И далее, обращаясь к верховной власти: «Не нравятся народные мстители в литературе, неохота читать про безрадостную жизнь вымирающей провинции, наблюдайте за тем, как из искры приморских партизан будет разгораться пламя народного сопротивления». Не упоминая А. М. Горького, Владимир Бондаренко как бы примеряет героев Захара Прилепина, Сергея Шаргунова, Александра Терехова и других «сорокалетних» с образом Павла Власова из романа «Мать».

Однако подавляющее большинство литераторов настроено иначе. Недавно высказался по этому вопросу и Виктор Лихоносов: «И тоска еще бывает такая нестерпимая по воображаемой, возможной литературе...»

Алла Латынина как-то с горечью сказала: «У меня нет аргументов, чтобы убедить людей читать современную русскую литературу».

Игорь Золотусский в одной из своих статей признается, что, когда он от хрестоматийной литературы обращается к литературе современной, то прямо физически чувствует, как начинает заболеть.

Вячеслав Лютый не особо восторгается современной русской литературой, но верит в ее будущность: «...глухой ропот народа и отчетливое слово писателя должны нарастать и приобретать оттенки бури в тисках терпения... литература в России вполне может превратиться в поле, на котором собирают свой урожай бесчисленные клоны Улицкой — Сорокина — Быкова — Рубиной — Акунина — Донцовой...».

И уж совсем пессимистично настроена Светлана Замлелова: «Печально, что критики не хотят замечать: современная русская литература похожа на разбитый горшок, склеить который едва ли возможно».

Капиталистическая действительность существенно ожесточила нравы. Деформировалось сознание не только читателей, но и тех, кто взялся за перо. А философ

В. Розанов еще сто лет назад написал: «Души в вас нет, господа: и не выходит литературы».

Часто можно услышать (или прочитать), что, мол, наша литература находится в таком же положении, как в других капиталистических странах. Это не совсем так, а иной раз и совсем не так. Например, литературная жизнь современной Японии отличается от нашей интенсивностью и большим разнообразием. В стране издается более двухсот журналов, ежегодно присуждается свыше ста литературных премий за новые произведения. А у нас год только начался, а уже единственный толстый журнал поэзии «Арион» приказал долго жить. Дышат на ладан еще десяток литературных журналов.

Или вот другой факт. В Швеции на каждые десять тысяч человек есть книжный магазин, в Москве один магазин на 450 тысяч. Про сельскую местность говорить уже не приходится.

Самое печальное, что из русской литературы уходит главный герой любого времени — человек труда. Если и мелькнет где-то на заднем плане, то всего лишь как питательная среда для китов капитала.

Значительная часть современной российской литературы перестала быть учебником жизни. Чему могут научить романы с такими, например, названиями: «Анна Каренина, самка», «Сперматозоиды», «Нано и порно», и т. п. Видимо, авторы книг и издательная считают, что обложка — самая увлекательная часть книги.

Словесность, а не религия, философия или наука формировали национальный тип сознания, манеру мыслить и чувствовать. К сожалению, сегодняшней власти национальный тип сознания не нужен. Им необходим другой тип: тот, кто голосует за глобализм, неумное потребление, вседозволенность и не протестует против олигархического капитала. Не хочет наша власть прислушиваться к голосу наших лучших писателей, не понимая, что среди них могут быть и пророки. Владимир Личутин настаивает: «Сидящие же у власти должны твердо уяснить себе, что без национального русского сознания им не устоять в трудные годы, что сулятся в стране в самом близком времени».

В школьную программу (Русская литература 20 века, часть 2) внесли изучение творчества Александра Солженицына, но, излагая его биографию, авторы учебника умышленно умолчали, что, проживая в США, «классик» публично призывал к атомной бомбардировке СССР. И как же противно после этого читать в учебнике такие строки: «Сейчас очевидно, что писатель был искренне озабочен в 1990 г. (как озабочен и сейчас) тем, чтобы страна получила «полную свободу хозяйственного или культурного дыхания», ...а земля с ее чудесным, благословенным даром плодоносить не попала в руки анонимных спекулянтов»...

Что же такая государственная политика внушает нашим писателям? Понятно что. Охаивайте свою Родину, призывайте ее врагов к атомной бомбардировке России,— и, даже если вы не получите Нобелевской премии, не горюйте: вам президент нашей страны подарит шикарную усадьбу, гарантируем также миллионные тиражи ваших книг... А после вашей кончины (это даже не обсуждается) в школах заставим детей изучать ваши «шедевры», ну и, конечно, же поставим вам памятники. Так что дерзайте!

Смесь глупости с властью обладает большой разрушительной силой.

Прошло уже тридцать лет как полную свободу получили «прогульщики соцреализма», но и они, как ни пыжились, не создали литературных шедевров.

Бесцензурное пространство сбilo многих литераторов с пути. Кто-то свернул на тропу постмодернизма и окончательно увяз в этом болоте. Кто-то, обуреваемый болезненной жадью новаторства, стал осваивать другие литературные маршруты, но путеводитель оказался тарабарщиной. Но многие из заблудившихся не признают

своих ошибок и продолжают экспериментировать. Вот и приходится нам читать, например, у Всеволода Некрасова такую окоlesiцу:

*Я помню чудное мгновенье
Невы державное течение
Люблю тебя Петра творенье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье.*

Глоток свободы лишь усиливает жажду. И когда горят свободой, не думают, что делать с будущей золой.

Некоторые писатели сломя голову кинулись в православную тематику. В их произведениях нередко происходит чудо, граничащее, по мнению священников, с кощунством. Но от этих религиозных кульбитов в современной русской литературе чуда пока не наблюдается.

Еще одна бо́льшая «мозоль» современной русской литературы: наплыв нецензурной лексики. Некоторые известные в стране люди с маниакальным упорством утверждают, что мат — это часть нашей языковой культуры. Нет, господа и товарищи! Мат — это часть нашего бескультурья. Если в анекдотах эта лексика иногда как-то еще приемлема, то в художественной литературе категорически нет. Ни один литератор не должен забывать, что, кроме всего прочего, его текст выполняет еще и воспитательную функцию. Не зря же наши классики не использовали в своих произведениях нецензурную брань. А у нас, вручая награды Виктору Пелевину, Захару Прилепину, Владимиру Сорокину и другим живым «классикам», учредители и спонсоры литературных премий фактически принимают активное участие в легализации ненормативной лексики.

И очень жаль, что такой авторитетный литературный критик как Владимир Бондаренко, часто отмечая в своих статьях положительные моменты в книгах Эдуарда Лимонова, стыдливо умалчивает о нецензурной брани этого неординарного писателя.

Мат как художественно-образительное средство — это предельно примитивный и даже мерзкий прием. И сама жизнь показывает, где его место: в среде с крайне низким уровнем интеллекта (алкоголики, бомжи, уголовники и т. п.).

Очень точно подметил Аркадий Давидович: «Культура — это умение материться без мата». А известный американский психиатр Франкл Виктор еще в 1975 году в одной из своих лекций сказал: «И не говорите мне, что мы должны безоговорочно соблюдать и отстаивать принцип свободы слова... Одной свободы мало. Свобода без ответственности может переродиться в произвол... рядом со статуей Свободы надо бы воздвигнуть Статую Ответственности».

Так и хочется воскликнуть: «С кем вы, мастера культуры?! С матом? Или с «великим, могучим, правдивым и свободным русским языком?»».

«Ведущие» литературные журналы, которые когда-то были флагманами отечественной литературы, впадают в жалкое существование, потому что настоящей литературы в них становится все меньше и меньше. Главные редакторы уже как Киса Воробьянинов униженно протягивают руку и просят у государственных чиновников взять их на содержание, но при этом забывают, какие функции обязана выполнять журналка.

И как удачно кто-то съязвил, «Новый мир» надо переименовать в «Старый мир», «Знамя» — в «Флагшток», «Наш современник» — в «Их современник», а «Юность» — в «Старость».

Уже не Александр Сергеевич Пушкин, а телящик — наше все. Многие россияне включают его рано утром и выключают вечером, уже лежа в постели. Телевидение стало наркотиком для тех, кто не научился и не хочет научиться думать. Кто из литераторов часто мелькает на экране, тот получает немалые деньги и порцию мнимой славы. А некоторые даже умудряются вести передачи: Быков, Волгин, Архангельский, Прилепин...

Институт критиков снизился до уровня ПТУ. Крайне редко можно встретить глубокий анализ, все больше куцые тезисы, «украшенные» хвалебными эпитетами. Кроме того, критики вымирают как когда-то мамонты, а те, кто еще живы, существуют чаще всего на взятки-подачки издательств. И читатель получает некачественный продукт, а владельцы издательств довольно ухмыляются и потирают ручонки.

Много раз читал, как литераторы жалуются на то, что им не дают престижных премий. Что им можно посоветовать? Только одно: руководствоваться словами Марциала: «Хвалят их, а читают меня».

Владимир Личутин в статье «Писатель и власть» подчеркнул: «...судьба писательского ордена — сражаться за дух своего народа». И в этом бою можно победить в одном случае: взяв на вооружение все богатство русского языка, создать незабываемые яркие образы. И, уходя от литературных штампов, призвать на помощь свои новые художественно-изобразительные средства. Однако не надо забывать, что не все новое бывает удачным. Давно я прочитал у Юрия Кузнецова вот эти строки:

*Который день душа ждала ответа,
Но дверь открылась от порыва ветра.
Ты женщина — а это ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой — топил на море корабли.*

Перечитывал эти строки неоднократно и хочется прочесть их снова, чтобы еще раз обдумать сказанное выдающимся поэтом и в который раз получить эстетическое удовольствие.

А прочитаешь у него же «Я пил из черепа отца...» — и хочется убежать от этой метафоры как можно дальше. Ничего не поделаешь, совершенство не бывает окончательным.

Казалось бы, проводится масса всевозможных литературных мероприятий: семинары с молодыми писателями, литературные ярмарки, научные конференции, встречи с читателями... Но сколько бы ни проводили «круглых столов», современная русская литература пока остается «под столом» мировой литературы. Ни у наших читателей, ни за границей она не пользуется успехом.

Когда всматриваешься в современную литературную жизнь, то, выражаясь словами В. Г. Белинского, «окружающая действительность вопиет». И невольно задаешься вопросом. Сможет ли такая литературная жизнь обеспечить русской литературе бессмертие?

Будем надеяться на лучшее, но здесь таится другая опасность: посеешь надежду — пожнешь разочарование.

НУЖНА ЛИ НАШЕМУ ГОСУДАРСТВУ ЛИТЕРАТУРА?

В 1917 году, когда в нашей стране свершилась революция, Россия была весьма развитой страной в плане литературы и искусства. Однако это было искусство для немногих, для образованного сословия; 85—90 % населения не умели даже читать и писать.

Советская власть успешно и в сжатые сроки осуществила культурную революцию. В. И. Ленин писал, что искусство обязано быть понятно «массам и любимы ими. Оно должно объединять чувство, мысли и волю этих масс, подымать их». Это современная русская литература не способна решить эту задачу, а в то время эта цель была достигнута.

Сегодня все чаще и громче раздаются голоса, что современная русская литература переживает острейший кризис, и это обстоятельство вынуждает задаться вопросом: в

чем причины такого положения дел? И невольно заставляет обратить наши взоры к опыту наших предшественников, в том числе и к методу социалистического реализма, который был взят на вооружение при создании произведений литературы и искусства.

Абрам Терц (Синявский) в своей брошюре «Что такое социалистический реализм?» (1957 г.) отрицает этот метод как политическую несурязицу и заканчивает свою работу словами: «Мы не знаем, куда идти, но, поняв, что делать нечего, начинаем думать, строить догадки, предполагать. Может быть, мы придумаем что-нибудь удивительное. Но это уже не будет социалистический реализм». Литературные потомки Андрея Синявского действительно удивили своими «придумками», вот только восторга от них читатели пока так и не испытали.

Рамки соцреализма были весьма размыты («требуется правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии»), что позволило относительно комфортно чувствовать себя в литературе подавляющему большинству писателей; даже таким «нестандартным», как В. Каверин, Л. Леонов, К. Паустовский, М. Зощенко, А. Платонов и другим.

Утверждать, что социалистическая система только и занималась тем, что душила писателей, значит, уклоняться от правды. Рамки свободы творчества были сформулированы в приветствии ЦК КПСС 2 съезду советских писателей (1954 г.): «Недопустимо приукрашивание действительности и замалчивание противоречий и трудностей роста с одной стороны и надуманные конфликты, искаженное и клеветническое изображение советских людей и общества — с другой». Делегатам было предложено самостоятельно конкретизировать эти положения. И на съезде разгорелась нешуточная дискуссия, на которой звучали нелестные оценки творчества даже таких писателей, как М. Шолохов, К. Симонов и других кандидатов в классики. А нам продолжают внушать, что не было никакой свободы творчества.

Английский критик Дж. Гуддон (и было немало сторонников его точки зрения) утверждал, что соцреализм «рассматривает художника в качестве слуги государства». Так оно в действительности и было. Литераторы выполняли своего рода госзаказ. Если подходить к этому вопросу иначе, есть только два варианта. Рассматривать государство в качестве слуги художника, но такой «сюжет» невозможен даже в сказке. И последний вариант: государство не обращает на писателей никакого внимания. Это как раз то, что происходит в нашей стране в последние тридцать лет. Но разве такой подход способствует развитию русской литературы? Жизнь показала, что ответ на этот вопрос отрицательный.

За первые тридцать лет советской власти в нашей литературе появились М. Шолохов, В. Маяковский, А. Толстой, А. Твардовский... А кто из современных писателей вырос за последние тридцать лет до уровня перечисленных классиков? Убедительного ответа на этот вопрос пока никто не может дать.

Даже те, кто огульно охаивают изображение жизни в рамках соцреализма, неизбежно приходят к выводу, который сформулировал Ю. Боров в своем учебнике «Эстетика»: «Относительно мягкий, стабильный и социально озабоченный режим брежневского типа (тоталитаризм с почти человеческим лицом) сменился коррумпированной нестабильной махровой демократией (олигархия с почти криминальным лицом), озабоченной разделом и переделом общественной собственности, а не судьбой народа и государства».

Русскую литературу сегодняшнего дня создают писатели, которые трудятся на общественных началах, то есть в порядке общественной нагрузки или самодеятельности (профессии «писатель» в России уже давно нет). Вот мы и получаем художественную литературу в основном на уровне «художественной самодеятельности». Разве можно себе представить, что, создавая, например, баллистические ракеты или космические корабли, люди работали на общественных началах? Нет, конечно.

Труд поэта, прозаика, драматурга, литературного критика — это самый сложный вид деятельности. Подавляющее число современных писателей — это люди наиболее совестливые, влюбленные в русскую литературу, для которых Художественное Слово — не пустой звук. Писательство сегодня — это образ жизни бедняка и каторжный труд, но вот что удивительно: количество посвятивших себя литературному творчеству не уменьшается, а увеличивается. Не зря у Станислава Золотцева есть такие строки:

*Почти нагая, почти босая,
Не перестанет сквозь кровь и слезы,
Себя спасая и мир спасая,
Писать Россия стихи и прозу.*

Даже талантливые литераторы, дабы сохранить свои тексты, вынуждены на свои кровные издавать книги тиражом 100—200 экз., следуя примеру Николая Глазкова, написавшего:

*Лучшему поэту нет пути:
Всюду рамки конъюнктур и дат,
Чтоб несправедливость обойти,
Я придумал «Самсебяиздат».*

У нашего правительства, которое в первую очередь отстаивает интересы олигархов, никогда не найдется денег для писателей. Никогда! Ибо в писатели в основном идут люди с обостренным чувством справедливости, думающие о своем народе, страдающие вместе с ним.

Хорошо известно, что любая экономическая структура государства, являясь базисом, выстраивает свою политическую надстройку, к которой относится в том числе и литература. Правительство находит деньги только для тех продажных деятелей СМИ и литераторов, которые формируют по любому вопросу «нужное» общественное мнение, исходя из того, что дешевле сформировать общественное мнение, чем считаться с ним. Кураторы идеологической работы не гнушаются ничем. Озвучивают ложь, рассчитывая на то, что газетные утки способны продолжить плавание в сознании обывателей. Нередко говорят правду, например, о коррупции, но думающим людям понятно, что выносят сор из избы лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза трудящимся.

Поэт Леонид Григорьян создал такой образ рядового гражданина новой России:

*Обреченный метаться впотьмах,
Обходиться изглоданной коркой,
Уловлять шелестенье бумаг,
Быть поскребышем, карлой, шестеркой,
Безответным объектом воря,
Сиротой посреди мирозданья...
Это ты, это он, это я,
Это мы накануне восстанья...*

Подобные мысли и в стихах, и в прозе, и в критике высказывают многие литераторы. И наше государство будет платить им за подобное творчество?

Да никогда в жизни; до тех пор, пока существует диктат Золотого Тельца.

Наше буржуазное государство олигархического типа находит деньги только для тех, кто прославляет именно такую форму правления и очерняет советское прошлое. Поэтому находятся деньги и на памятник Солженицину, и на рекламу, и на издание книг писателей-антисоветчиков.

Вот лишь один пример. Много произносится восторженных эпитетов платными либеральными критиками о поэзии Иосифа Бродского. Они рассуждают об «инстру-

ментовке и пластике его стиха», о «новых способах фиксации и утверждения реальности». Как уникальное достоинство выставляется его «композиционная неуравновешенность и лексико-грамматическая невнятица» и т. п. Поэзию Нобелевского лауреата активно пропагандировали действительно талантливые чтецы Михаил Козаков и Константин Райкин. Но как бы и кто бы ни пыжился, а народ России не обманешь: не принял он поэзию Иосифа Бродского. У стихов Есенина, Высоцкого, Евтушенко есть массовый читатель, их строки цитируют в разговорах, песни на их стихи поют, — а у Бродского ничего этого нет.

Уже четверть века государство находит деньги для всех, кто активно участвует в работе над переформатированием сознания и извращением художественного вкуса широких масс. Для этого уже десятки лет с утра до позднего вечера на телеэкране мелькают голые задницы, пропагандируются низкопробные зарубежные кинофильмы, звучит примитивный юмор «ниже пояса»... Находятся деньги и для литературных «гельманов», а их число все растет и растет.

Российский телеведущий Дмитрий Киселев построил в Крыму виллу за 200 миллионов рублей. Для таких деятелей, как он, государство, без всякого сомнения, деньги изыщет, даже если для этого придется поднять пенсионный возраст, повысить цены на продукты питания, ЖКХ, бензин и т. п. А с какой настойчивостью изобретаются новые налоги для трудящихся! Скоро, видимо, и для полетов во сне, потребуется покупать лицензию.

Чтобы до конца не обозлить пишущую братию, наша центральная, а кое-где и местная власть иногда бросают им кости: то несколько литературных премий, стипендий, то подкинут денег для «поддержки штанов» редакторам (в основном либеральных изданий), а то и «Годик литературы» объявят...

Американец Уоррен Баффетт потратил на благотворительность миллиарды своих долларов. «Российского Баффетта» днем с огнем не сыщешь; и даже если мы его и увидим, то это произойдет, скорее всего, только во сне. Казалось бы, есть Потанин и Дерипаска. Они — основные собственники «Норникеля» (одной из крупнейших в мире компаний по производству драгоценных и цветных металлов). Уж денег-то у них столько, что можно было бы издать книги всех без исключения талантливых российских писателей. Но говорят, что деньги наших олигархов регулярно убегают в оффшоры, где и прячутся. Может быть, именно там писатели получают материальную поддержку? И, глядишь, через энное количество лет в нашем литературоведении появится новый термин — «оффшорная русская литература»? Как говорил Станиславский: «Не верю!».

К какому же выводу мы пришли? Литературная жизнь в России в последнюю четверть века, конечно, не удалась; но могло быть и хуже.

Если смотреть шире, ясно одно: движению вперед нередко мешает политическая платформа, а локомотив Истории требует капитального ремонта и замены машиниста.

УБЬЮТ ЛИ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Война Запада против России набирает обороты не только на экономическом, но и на идеологическом фронте. И в эту борьбу вовлекаются все новые и новые материальные и людские ресурсы. Враги уже давно поняли, что расчленив Россию можно только в том случае, если пятая колонна внутри нашей страны откроет второй фронт. И распад СССР подтвердил, что они выбрали единственно верную тактику.

Предателей в верхних эшелонах власти всегда можно найти. Но будет ли снова молчать народ, когда новые горбачевы и ельцины начнут расчленять уже саму Россию? Вот это — главный вопрос! Сегодня — вряд ли возможен такой сценарий. А чтобы народ промолчал завтра, нужно самым активным и всесторонним образом

продолжить работу по переформатированию его сознания. Денно и ночью внушать нашим гражданам, что прошлое и настоящее России мерзопакостно и что «светлое будущее» возможно при одном условии: если народ возьмет на вооружение «общечеловеческие ценности». Ну, а что из себя представляют эти «ценности», мы наблюдаем уже больше четверти века.

Одна из важнейших задач противника на идеологическом фронте — подорвать веру в героическое прошлое нашего народа, переписать Историю и обесценить русское Художественное Слово. Внушить гражданам, и прежде всего молодежи (она — будущее страны), что не было ничего значительного ни в советской литературе, ни в русской литературе девятнадцатого века. К решению этой задачи подключают не только представителей пятой колонны, но и тех, сознание которых уже «пошатнулось», и они попали в разряд «зablуждающихся». И порой уже трудно разобрать, кто находится рядом с тобой: враг России или всего лишь клонувший на «наживку» нашего противника? Сегодня заблуждающиеся опасны: заблуждения с годами вырастают в непроходимые дебри.

Пример этого мы можем видеть сейчас на Украине. Целенаправленное промывание мозгов подрастающему поколению уже дало там свои плоды.

Да и в других странах ближнего и дальнего зарубежья можно наблюдать нечто похожее. Вот только Россия, несмотря на все усилия псевдолибералов и псевдопатриотов, пока держится. И в этом немалая заслуга российской литературы, которая столетиями пыталась сохранить в читателях самые чистые и светлые чувства. А потому, чтобы уничтожить Россию, следует в первую очередь разделаться с российской культурой вообще и с российской литературой в частности. И попытки в этом направлении не прекращаются с девяностых годов. Примеров достаточно и в театральной деятельности, и в кинематографии, и в телевизионных проектах. Немало публичных людей, кто сознательно, кто по недомыслию, старательно забрасывают комочками грязи то, что наш народ привык считать национальным достоянием.

К примеру, небезызвестный Дмитрий Быков весьма преуспел в охаивании русской литературы. В книге «Советская литература. Краткий курс» он отводит каждому писателю главу, в которой высказывает свое видение творчества того или иного писателя или поэта.

Например, такой его пассаж: «Горький одержим безобразным. Именно благодаря этой особенности... он и завоевал читателя... Это-то отсутствие нравственных тормозов — и, более того, отрицание человеческой морали... чувствовалось в Горьком с самого начала».

Антон Павлович Чехов, по мнению Быкова, тоже отвратителен: «Чехов отчасти напоминает своего Лопухина, сына крепостного (как и он сам), который скупил вишневый сад русской литературы лишь для того, чтобы его вырубить».

Не восхитила Быкова и поэзия Сергея Есенина: «Мандельштаму до есенинского культа также далеко, как Есенину до мандельштамовского таланта; да что там — Блоку, талантливым эпигоном которого Есенин был с деревенского своего начала и до творческого конца».

Литературный талант М. А. Шолохова Быков частично признал, но по-своему истолковал «Тихий Дон». И это не удивительно. У Быкова было лишь два варианта. Объявить Михаила Шолохова бездарем — но это уж слишком! И он пошел по другому пути: весь его комментарий к роману сводится к тому, что «Тихий Дон» — произведение антисоветское. Поэтому свои рассуждения о романе он заканчивает фразой: «Патриоты, откажитесь от Шолохова. Он — не ваш».

В своей книге Быков периодически касается истории советского государства. О И. В. Сталине он пишет: «Сегодня иногда встречаешь суждения о том, что Сталин... был менеджером модернизации, благодаря которому мы провели величайшую индустриальную революцию».

стриализацию и т. д. Между тем никакой модернизации Сталин не проводил — он ее угробил».

Похвалы удостоился Леонид Леонов, но, видимо, потому, что Быков причислил его к скрытым антисоветчикам. И в качестве доказательства по-своему прокомментировал его философско-мистический роман «Пирамида».

Быков уделяет внимание тем литераторам, которые (или родственники которых) в той или иной степени пострадали от советской власти. Так, мы можем прочитать главу о творчестве Варлама Шаламова, Исаака Бабеля, Юрия Домбровского, Веры Пановой, Василия Аксенова и других.

Поразительно, но в книге Быкова нет глав, посвященных Владимиру Маяковскому, Алексею Толстому, Константину Симонову, Константину Паустовскому, Юрию Бондареву, Василию Быкову, Чингизу Айтматову, Виктору Астафьеву, Евгению Евтушенку, Валентину Распутину, Василию Гроссману и многим другим литераторам, которые составляют гордость советской литературы. Но зато есть многостраничные главы, в которых анализируется творчество Александра Шарова, Николая Шпанова, Федора Парфенова и других писателей и поэтов, творчество которых никак нельзя назвать значимым.

Быков расхваливает на все лады постмодернистские изыски и кульбиты Виктора Пелевина. Но мы-то понимаем, почему он это делает. Как сказал один умный человек, «если попытаться одним словом определить состояние человеческой души в эпоху нынешнего «глобализма», то это слово будет ползучим, безжалостным и пластающим: смысложизнеутрата». Привести российский народ к подобному состоянию — давнее желание так называемой западной цивилизации.

Характерно для позиции Дмитрия Быкова и такое заявление: «В русской литературе 70-х годов 20 века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданическому лицемерию. Это направление, окопавшееся в журнале «Наш современник» и во многом определившее интеллектуальный пейзаж позднесоветской эпохи, получило название «деревенщики»».

Как тут не вспомнить слова Юрия Бондарева: «Наша свобода — это свобода плевка в свое прошлое, настоящее и будущее, в святое, неприкосновенное, чистое».

В политическом болоте каждая лягушка мечтает стать вождем. Совсем недавно Д. Быков публично заявил, что намерен написать о предателе генерале Андрее Влазове книгу, в которой будет изображен его подвиг. И ведь напишет, энергии и эрудиции ему не занимать. И получит какую-нибудь очередную престижную литературную премию. Рецензенты дружно похвалят очередной «шедевр», и каждый из них положит в карман свои тридцать сребреников.

А наши дети и внуки будут читать эту мерзость. Они ведь не знают, что о советской власти Валентин Курбатов, выражая мнение наших лучших писателей, сказал: «И называть этот период только «совковым» можно только от духовной слепоты и лени ума... мы не привились к прежней советской традиции, к лучшему и живому в ней. И это было национальное предательство».

Был упомянут лишь один небольшой кусочек из обширного полотна борьбы с российским самосознанием. Думающие читатели (а другие эти строки и не прочтут) легко дополнят картину своими примерами.

Надо смотреть правде в глаза: попытки убить русскую литературу будут все настойчивее и изощреннее. Время не ждет. Нужно что-то предпринимать для более активного противодействия этим попыткам.

Бороться с непреодолимыми обстоятельствами можно только созданием новых возможностей.

Владимир Трусов

(г. Мончегорск, Мурманская обл.)

КРИТИКА ЧИСТОГО ЧУВСТВА?

(о романе Алексея Яшина «Женщина в человеинике»)*

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

А ведь можно с порога, основываясь лишь на названии романа и о нем порассуждав, эффектно закрыть тему. Нет, в самом деле, словосочетание-то почти магическое, ибо о чем или о ком мы беремся рассуждать? Что или кого исследовать? Правильно, женщину в современном глобальном мире сиречь человеинике, как его определил блистательный А. А. Зиновьев. Но, господа мои, речь по-прежнему идет о женщине, а из этого неизбежно следует, что таковая самой собой и остается, поскольку в противном случае должна меняться и терминология. Женщина, а равно, во имя гендерной справедливости, и мужчина, утратившие свои определяющие качества, превращаются в существа, требующие иного наименования. Ну, разве леопард, утративший свои кошачьи признаки, останется леопардом? А танк, лишившись торсионов в ходовой части и прочих характерных особенностей? Да в конце концов мы с вами, утратившие способность мыслить, разве останемся людьми? И уж если мы сохраняем определение «женщина», то она и остается именно женщиной, прежде всего матерью и залогом продолжения жизни человеческой, хоть в человеинике, хоть в чайнике, хоть в космосе. Все. Тема исчерпана, а роман почитаем на досуге от скуки потому, что романы А. А. Яшина вообще увлекательны и оригинальны (поклон в сторону автора), и далее займемся более сложными узлами мировых противоречий, требующими разрешения. Так?

Так, да не так. И если облик человечества нынешнего по сравнению даже с совсем недавним, лет тридцати тому, разительно изменился, то уж такое сложное и многообразное явление, как женщина, непременно должно претерпеть некие, и возможно, весьма существенные метаморфозы. Хрестоматийно до банальщины? Наверное. Однако же автор, как и положено здоровому, зрелому и уважающему себя литератору, не собирается почтеннейшую публику развлекать и веселить. Он предлагает читателю рассудить-подумать и в конце концов кое-что в данном направлении для себя определить сколь возможно конкретнее. Сразу следует заметить, что «Женщина в человеинике» вполне логично продолжает предыдущий роман А. А. Яшина «Задуманные беседы об умозамещении», пусть не явно напрямую, но все-таки наглядно и объяснимо. И еще одна деталь: каждое поколение склонно придавать всему, с ним происходящему, оттенок исключительности, неповторимости, и поэтому нам с вами,

* Алексей Яшин. Женщина в человеинике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

воленс-ноленс, может казаться, что глобализация и обусловленные ею общественные и личностные процессы, характеризующие наше малопривлекательное и неромантическое время, столь значительны, что «все бывшее» по сравнению с ними — полная ерунда и мелочевка. Так вот, господа мои, не стоит обольщаться на сей счет, масштабных событий в социальном и прочих исторических аспектах всегда хватало, и на наш век их «выше крыши», и потомкам достанется с лихвой. Поэтому относится к роману нужно вдумчиво и спокойно, он, слава Создателю, не несет в себе ничего сенсационного и сногшибательного. Просто автор разобраться пытается, а что вообще из себя сегодня представляет наш прекрасный и, условно говоря, слабый пол?! И такой ли уж слабый?! И насколько все-таки еще прекрасный?!.

Автор — человек и литератор весьма и весьма искушенный, поэтому и не тратит время на пустые, из воздуха ли выхваченные, из пальца ли, пардон, извлеченные, умозаключения. Он прежде всего, как и положено художнику, рисует картины нынешней действительности, изображает конкретные, во много очень характерные типажии героинь нашего времени, предоставляя читателям право делать собственные выводы. И то верно, ведь нашему вниманию представлено художественное произведение, хоть и не чуждое философских инспираций. Очень показательно, что начинается повествование с увлекательного экскурса в городскую историю, а также в летопись конкретного городского района, где и бытует главная героиня романа, а также ее семья и прочие персонажи. То есть с самого начала задается канва повествования, если угодно, вмещающий ландшафт, без коего и действующие лица вводить было бы некуда. А читать об этом, на мой взгляд, всегда интересно и познавательно, особенно если, как в нашем случае, написано сие со знанием дела, достаточно подробно и в меру иронично. И настрой соответствующий у читателя формируется, он точно проходит некую и своеобразную подготовку к освоению основного содержания романа, по конструкции на самом деле очень непростого.

Бесспорно, что корневые, глубинные свойства и качества человеческой личности инвариантны, и по сути своей за много тысячелетий человек, в общем-то, не изменился. Все побудительные к действию причины, желания, помыслы, слабости и достоинства были, есть и пребудут незабываемыми. Но...средства воплощения оных как раз меняются, и разительно, а следовательно и стереотипы поведения претерпевают значительные метаморфозы, а равно критерии и методика оценки процессов и явлений в мире ближнем и дальнем происходящих. Оттого и человек становится со временем на себя прежнего не похожим до такой, порой, степени, что лишь диву даваться остается и руками разводить. Однако же и в одинаково жестких предлагаемых обстоятельствах конкретные люди ведут себя по-разному. Оттого существенно разнятся и персонажи романа, стараясь, впрочем, оставаться женщинами, конечно же так, как каждая сие понимает.

Автор, естественно, не смог бы, даже при всем желании и не подвергаемом сомнению даровании, дать читателю полный спектр характеров и типажей современных женщин. Да и задачу свою, как мне думается, он видел не в этом. Напротив, выписав более или менее четко три таковых плюс добавив несколько довольно схематичных или эпизодических, он предлагает нам поискать иные, возможно, обобщить результаты поисков и додумать остальное самим. Такой подход уже является признаком истинного профессионала, мастера большой прозы, не втискивающего читателя в жесткие рамки собственных умозаключений, и относится к явным достоинствам рассматриваемого произведения.

Итак, в центре повествования находится Елизавета Васильевна Соколенкова, по сути — главная героиня, представитель обширной и славной семьи, специалист по психологии, что само по себе подразумевает определенную интеллигентность, при

все при этом, жестко выражаясь, по социальному статусу мать-одиночка, в иной системе отсчета свободная женщина с приличной квартирой в элитном доме. Завидная партия для зрелого мужчины с положением? Возможно — да, возможно — нет. Но сразу скажу, что эта женщина мне более остальных в романе импонирует своей сдержанной, хоть и во многом вынужденной независимостью и неизменным стремлением к душевной чистоте, насколько данное качество вообще возможно в реальном мире. Вдобавок ко всему Елизавета Васильевна видит необычные сны, продолжая конечно же традицию всем известной Веры Павловны (толковать эти видения читатель вполне может самостоятельно), а еще ведет дневник особого рода, пытаясь в сокровенных записях систематизировать свойства женской натуры, в том числе в важнейших для жизни, чего уж скрывать, отношениях с противоположным полом. Роман и выстроен на перемежении конкретной событийности, сегодняшней и былой, с аналитическими дневниковыми выкладками, что, признаюсь, не всегда, по-моему, помогает целостному восприятию произведения. Причина тут проста, конкретика действий излагается автором динамично, легко, интересно и иронично, прочтение увлекает, втягивает в коллизии фабулы, и вдруг «тормозится», если угодно, довольно сухими порой сентенциями на заданную тему, на что аз грешный не раз искренне досадовал. Однако подкупает искренность Елизаветы Васильевны, хоть и далеко не со всеми ее выкладками можно согласиться.

Ну, а что же иные дамы, иные характеры, типажи? Мне показалось, что тут автор прибегает к некоторой антитезе по отношению к главной героине. Конечно, в любом подобном описании присутствуют условности и допущения, но вот особых симпатий ни Вера Тимофеевна, ни Светлана Анатольевна, ни прочие, упоминающиеся в романе женские образы, пусть и нарисованные отдельными штрихами, как-то не вызывают. Один дорожный рассказ Веры Тимофеевны о фрагментах своей жизни и в семье, и вне оной, чего стоит. Налицо неприкрытое приспособленчество, сиречь служебный роман с «выгодой», лицемерие и вместе с тем плохо скрываемое пренебрежение по отношению к мужу, которого она вдобавок еще и заразила нечаянно, а по сути непонимание: зачем все это происходит?! Нет, автор несколько не стремится осуждать кого-либо, тут нет никакого намека на дидактику, но... Факт остается фактом: жизнь этой женщины едва ли вообще задалась и впоследствии вряд ли изменится. Тускло все вокруг, пусть и внешне благополучно, пусть со стороны может показаться, что Вера Тимофеевна преуспевает во всем, только никто не сможет ответить на вопрос, а в чем же конкретно? Жить лишь расчетом, резонном, разумом, без души, без сердца... Разве это жизнь? Едва ли... А вот соседка и подруга Елизаветы, местная светская львица Светлана Анатольевна, тоже приспособившись, только с наибольшей выгодой, к современным реалиям, являет собой совершенно иной вид приспособленчества, на порядок, а то и несколько выше, нежели у ее случайной знакомой по больничной палате, Веры Тимофеевны. Светлана — дама не просто обеспеченная, но по местным меркам богатая, и «дружит только с мужчинами моложе ее самой». Впрочем, все ее рассуждения об отношениях полов и сущности женщин и мужчин чаще всего сводятся к довольно циничным афоризмам, очень традиционным, и отнюдь не оригинальным. Создается впечатление, что светская мадам хорохорится нарочно, чтобы не видеть и не слышать правды, которую от себя едва ли скроешь. В чем она состоит, эта правда? Да все в том же, что и всегда, читайте роман и делайте выводы.

Замечу, что и действующие лица отдельных эпизодов (которые вполне можно назвать новеллами, вкрапленными в основное повествование) тоже «не блещут» особыми достоинствами. Их поведение определяется «пятью чувствами и тремя вожделениями». А как иначе, могут меня спросить. Или вы, почтенный, не так живете? А давайте-ка определимся, что дело не во мне и не в вас, и вообще ни в ком.

И дело не в том, как живем, а в том, как следовало бы жить. Да, и аз грешный не монах, всякое бывало, не собираюсь я скатываться в ханжеские нравоучения; а по сравнению с нравами римлян времен краха империи все описанные мимолетные приключения персонажей романа сродни, как говаривал великий комбинатор, «невинной детской игре в крысу», но... Но есть некие табу, которые, скажем, я и мои товарищи, воспитанные, кстати, в дворовых командах, не нарушили до сей поры. Например, жена друга, как бы ты к ней не относился, для тебя не более, чем сестра, и спать с ней, особенно на следующий день после свадьбы – грех практически смертный для обоих. Ведь вопрос встает неотвратимо, а что, собственно дальше, и как теперь со всем этим жить? И ей, с изначально «рогатым» мужем, и ему, испоганившему дружбу, если она вообще существовала. Да и удар по башке сковородкой, в другом эпизоде, как способ возвращения в семью мужа, гуляющего налево, воспринимается точно в кривом зеркале, вызывая скорее досаду, чем смех. Во всяком случае никого из участников коллизии он положительно не характеризует. Напрашивается реплика из популярной комедии: «Как же вы с мужем-то живете? Это же сплошные именины души и сердца!». Возможно, подобные картинки автору нужны, дабы неявно, но убедительно показать, мол, человек современный «болеет» теми же нравственными хворями, как и его предшественники, и далекие, и близкие. Однако же далеко не все, отнюдь не все. Опять-таки, еще одна зарисовка — любовь на лестничной площадке под влиянием «паров» выпитого «а-ля горнист» портвейна. Знаем, проходили и такое в пору юности туманной. Не от хорошей жизни проходили, приткнуться было некуда. Это скорее нечто атавистическое, если вообще не постоянно присутствующее в любом времени «приключение», ни хорошее, ни плохое, просто оно есть и все.

Эти сценки, конечно, из жизни, ничего не придумано. Важно еще и то, что роман, при определенной мозаичности не распадается на отдельные части, байки, побасенки. Красная нить видится повсюду, исследование места, роли и сущности женщины в современном «человеинике» идет своим чередом, и если читатель сконцентрируется на данном вопросе с самого начала, ни одна страница романа не останется вне темы. Спорные моменты? Конечно, они присутствуют. Но разве автор призывает нас во всем с ним соглашаться? Нашему вниманию предлагается интересный и вполне обоснованный взгляд на конкретную проблему. И сие по-настоящему ценно.

Вообще, по прочтении «Женщины в человеинике», у меня возникло двойственное чувство. С одной стороны как-то все не очень обнадеживающе, даже удручающе обстоит с современной женщиной, а заодно и с мужчиной конечно же, и еще неизвестно с кем хуже (а возможно даже известно. Надеюсь, что расшифровки не требуются). С другой, все-таки автор исподволь подводит читателя к тому, что как бы не менялись наш мир и образ жизни, вечные ценности все равно восторжествуют, и женщина останется и матерью, и женой, и верным другом, продолжательницей бытия, если, конечно, мужчина сохранит свои истинные и лучшие качества. Да, современная реальность стремительна, жестока, порой неумолима, и зачастую ставит перед нами вопросы, казалось бы, неразрешимые. А извечная женская доля с поправкой на «сегодня» становится еще сложнее, и необходимость выбора направления самореализации может навсегда сбить с толку и заставить пойти ложным путем, непоправимо изломав жизнь и судьбу. Но мне кажется, что автор верит в лучшее, в прекрасное, оставляя женщине способность и возможность во все времена быть для нас идеалом, то есть объектом того чистого и спасительного чувства, что зовется любовью.

